

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТАЛАНТОВ

И глобалисты, и антиглобалисты, будь они более образованны, могли бы сослаться на авторитет Достоевского в свою поддержку. Антиглобалисты имели бы возможность обосновывать высшую ценность национальной идентичности его словами о том, что «всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения». Глобалисты же могли бы сослаться на мнение Великого Инквизитора, провозгласившего, что главное стремление человечества это возможность преклониться перед чем-то бесспорным, настолько бесспорным, что перед ним преклоняются все люди вместе, *непрерывно все вместе*.

В своей же предсмертной Пушкинской речи Достоевский попытался примирить идею особой национальной миссии России с идеей всемирного единства, провозгласив всемирную отзывчивость исторической миссией русского народа: «Я именно напирал в моей речи, что и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия».

В те времена подобные вопросы представлялись делом времен крайне отдаленных, но сегодня проблемы глобальной культуры обсуждаются во вполне злободневных дискуссиях.

Основательный том Александра Запесоцкого «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций» (СПб, 2018), построенный на материалах Международных Лихачевских научных чтений, включает в себя такой длинный перечень идей и цитат (список источников заполняет почти сорок страниц), что даже беглый их обзор потребовал бы серьезной академической статьи. Поэтому попытаюсь лучше вслед за автором «обратиться к истокам и сущности воззрений Д.С.Лихачева, побудивших его сформулировать подходы к диалогу культур в «Декларации прав культуры»».

Вдумаемся в несколько ее основных положений (с.18).

«Культура — главный источник гуманизации человечества».

Если понимать под гуманизацией все то, что отличает человека от животного, то культура не столько источник этого отличия, сколько само это отличие. А что является источником культуры — это, на мой взгляд, дар воображения и потребность в экзистенциальной защите, в выстраивании воображаемого мира, позволяющего принять ужасную реальность, в которой человек бессилен перед старостью, смертью, болезнями, катастрофами и

прочими забавами безжалостного мироздания. Именно поэтому народы, выживания ради вынужденные жить разбоем, создают культуру героическую, прославляющую наиболее умелых и бесстрашных убийц, в которых они справедливо видят своих защитников. Так что если понимать под гуманизацией милосердие и доброту к каждому живому существу, то ни один героический эпос такой гуманизации не способствует. Культура способна эстетизировать любую силу, не могу только припомнить, когда бы она эстетизировала бессилие, ибо ее миссия и заключается в том, чтобы заслонить от нас наше бессилие перед разрушительными силами природы. Могучий злодей для культуры желаннее хилого праведника.

«Диалог культур обеспечивает взаимопонимание между народами и проявляет духовную уникальность каждого из них».

Если говорить о высших достижениях культуры, то они как раз в значительной степени возвышаются над уникальными национальными особенностями, что и позволяет относить их к т.н. мировой культуре. Но в основе своей каждая национальная культура направлена на формирование национальной экзистенциальной защиты — что можно сделать лишь за счет наций-конкурентов: отыщите вызывающий восхищение образ немца или француза у Гоголя или Толстого. Откровенный диалог культур непременно обостряет национальную рознь, он открывает, что самые возвышенные образы каждая нация приберегает для себя; подобные диалоги лучше вести на расстоянии, когда каждый народ сам выбирает у другого, что ему по душе, а насчет остального остается в неведении. У меня есть даже подозрение, что словосочетание «глобальная культура» — что-то вроде оксюморона, сухой воды и круглого треугольника: культура любого сообщества, мне кажется, наделяет ее носителей ощущением собственной правоты и красоты непременно по отношению к каким-то другим сообществам, поэтому глобальная, общечеловеческая культура может возникнуть лишь тогда, когда всей планете придется противостоять каким-то внеземным цивилизациям, в достаточной степени антропоморфным, чтобы мы могли видеть в них себе подобных.

«Реализация демократических ценностей и прав человека в значительной мере определяется уровнем культурного развития общества».

Никак не получается счастье недостаточно культурной рабовладельческую аристократию времен Платона, Софокла и Праксителя. Или русскую аристократию Золотого века с Пушкиным во главе. Возможно, Ницше и преувеличивал, утверждая, что всякая культура стоит на каком-то рабстве, но нельзя же и вовсе не принимать его во внимание.

«Экспансия антигуманных явлений коммерческой массовой культуры угрожает самобытности национальных культур и развитию человечества».

Я не лучший знаток массовой культуры, однако голливудская продукция, в немалом количестве попадавшаяся мне на глаза, была практически вся основана на вечных гуманистических архетипах — защита слабого, наказание подлого, спасение друга или любимой женщины, отказ от богатства во имя чести...

То есть на всем, чего людям не хватает в реальности, иначе коммерческая культура перестала бы быть приносить доходы. И, к слову сказать, все фантазмы, породившие самые страшные катастрофы 20 века, — национализм, социал-дарвинизм, расизм, как биологический, так и классовый — придумали интеллектуалы, а вовсе не «масса». И еще — строго между нами — в демократическую эпоху глобальная культура может быть только массовой.

«Необходимо выработать национальные и международные меры по защите культуры, сохранению и развитию культуры каждого народа, налаживанию взаимодействия и диалога между нациями».

Не представляю иных методов защиты культуры каждого народа от более влиятельных и оболстительных культур, кроме принудительной изоляции и разжигания вражды к более успешным соперницам, но уверен, что Лихачев не мог иметь в виду что-либо подобное. Что же до международных мер, то не представляю, что может побудить делегатов сильных, доминирующих культур согласиться на меры, ограничивающие их собственную «мягкую силу».

Мне кажется, все культуры зарождались, развивались и живут в значительной степени как орудие противостояния другим культурам, и превратиться в средство всемирного объединения они не могут, не отказавшись от собственных национальных истоков, что противоречит задаче сохранения культуры «каждого народа». Причем даже таких грандиозных утрат было бы недостаточно для становления общечеловеческой, «глобальной» культуры, ибо для этого необходим еще и общечеловеческий противник. Хотя и при наличии такого противника все равно не исчезнет борьба за величину долей, которые каждая нация должна будет вкладывать в общую борьбу; в принципе эта борьба может и обостряться: когда пароход тонет, уровень взаимопомощи и взаимопонимания в борьбе за шлюпки отнюдь не возрастает.

Иными словами, я не вижу, каким образом лихачевскую «Декларацию прав культуры» можно использовать для формирования какого бы то ни было, пускай и утопического, проекта межкультурного и междивизиационного примирения.

Примирить потребность в национальной избранности с потребностью межнационального мира, как известно, пытался Федор Михайлович Достоевский: русская национальная исключительность заключается во всемирной отзывчивости, и лучшим примером тому Александр Сергеевич Пушкин. У Пушкина каждый народ, о каком бы он ни писал, и впрямь становится бесконечно обаятельным, но, во-первых, сомнительно, насколько мы вправе считать Пушкина выразителем мнений и чувствований всего русского народа, а во-вторых, между миром поэзии и миром реальной геополитики дьявольская разница: в стихотворении «Клеветникам России» трудно отыскать «окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону».

Я вовсе не собираюсь разбирать этот спор славян между собою, мне кажется, к нашим дням, а именно, к перестроечному экстазу прогрессивной интеллигенции более приложимы другие мысли Пушкинской речи: «Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!»; «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия». А разочарование значительной части интеллигенции в своем прежнем увлечении тоже может быть выражено цитатой (с.271) из книги С.Франка «Крушение кумиров» (Берлин, 1924): «Уже нет трепета, с которым мы когда-то всходили на галереи европейских парламентов и прислушивались к страстным, вдохновенным речам европейских политических ораторов. Мы заранее знаем их содержание: либо безответственная демагогия, либо официально лицемерное провозглашение каких-либо священных принципов, в которые никто не верит и которые никогда не осуществляются, оправдание какого-нибудь зла под тем или иным высоким предлогом, либо, наконец, сознание своего бессилия и безвыходности положения; от всей текущей политики на нас уже заранее веет или человеческой глупостью, или человеческой подлостью, или тем и другим вместе — и во всяком случае пошлостью, унынием, безнадежностью серых будней».

Однако каждое новое разочарование требует и нового утопического утешения. Одну из таких утопий предложил недавно ушедший из жизни философ А.С.Панарин (с. 370-371): «Ее исходным принципом является утверждение, что по критериям могущества, успеха и богатства России уже не быть сверхдержавой, поэтому соревноваться с геополитическими лидерами по данным признакам — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению ресурсов, в том числе духовных.

...Реализация данного проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход к социально-психологической, духовной борьбе за судьбы неприкаянных и нуждающихся в «социальной реабилитации». Россия должна подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха и стать империей для всех «нищих духом». Как только все «второсортное» население мира поймет, что кроме России у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован. Успех этого проекта в его религиозной энергетике. В свое время христианство совершило чудо: возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, — слабых, больных, бедных, которые стали воплощением новой человеческой надежды. Сегодня требуется совершить аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, «неперспективные» по критерию успеха, силы, славы и богатства. В контексте рассматриваемого проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных либеральной церковью, новых изгоев. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от идеи большевизма, в котором изначально доминировал критерий «политического успеха»).

Поскольку метафизическое пространство — это пространство человеческого воображения, то в нем можно возвести любые воздушные замки и державы, но земным людям необходимы не только воображаемые высокие цели (а они им действительно необходимы), но и какие-то земные мотивировки. А.С.Панарин их тоже предлагает: вследствие ограниченности природных ресурсов планета не выдержит бурной активности эффективных и успешных, поэтому ради выживания человечества на арену должны выйти культуры и народы, согласные довольствоваться малым, для таких культур Россия может стать образом надежды, «обетованной землей бедных».

Либеральную церковь пропускаю, поскольку не уверен в ее существовании, а на церкви христианской задержусь. Да, возведение в высший ранг труждающихся и обремененных было ценностной революцией, но что эта революция переменяла в реальном мире, большой вопрос. Пессимисту может показаться, что она лишь присоединила к «обычным» войнам войны религиозные, но даже пессимист не сможет отрицать существования не такого уж малого числа чудаков, действительно старающихся жить по законам нестяжания и милосердия.

Народы-чудаки, однако, невозможны. Можно не сомневаться, что если какие-то «новые изгои» и потянутся к России, то лишь за тем, чтобы отомстить богатым и знаменитым за свое вековое унижение. Можно не сомневаться также и в том, что они согласны довольствоваться малым лишь до тех пор, пока у них нет возможностей получить больше, как можно больше. Иными словами, ценностная революция возможна не для наций, но лишь для одиночек-бессребреников, которые встречаются во всех нациях.

И вот интернационал талантливых одиночек, мне кажется, до некоторой степени осуществим. В «Становлении глобальной культуры» приводится цитата и из моего доклада: «Каждый народ может существовать лишь до тех пор, пока ощущает себя избранным, хотя бы в собственном воображении (впрочем, никакой другой избранности не бывает). А тот круг народов, внутри которого существует согласие об их совместной избранности, сегодня по-видимому и можно назвать пышным словом «цивилизация». Сегодня важнейшим национальным проектом России становится производство гениев — путем бескорыстной поддержки самых талантливых и романтических, создания условий для творчества, организации широчайшей сети школ для одаренных детей, особенно в провинции, пропаганды в СМИ подлинных творцов, достигших профессиональных высот без потери нравственного облика».

Все, что требуется для перехода этого проекта на международный уровень, — открыть двери для особо одаренной молодежи из других стран. Расходы на этот образовательный проект, если сравнить их с военными расходами, будут копеечными, а репутационный эффект весьма весомым. Если у России появится репутация страны, где живут не слишком богато и не слишком чисто, но умеют ценить таланты, лично меня такая Россия устроит, как устраивает александровско-николаевская Россия, давшая миру плеяду гениев от Пушкина до Толстого. Таковую ценностную шкалу можно упрекнуть

в аристократичности, и этот комплимент я охотно принимаю. Ибо ее демократизм заключается в признании того, что демос нуждается в величии ничуть не менее, чем интеллигенция, и только из-за неумения ценить величие творчества он вынужден тянуться к величию насилия. Но когда ему хоть в какой-то сносной степени откроется величие художественного и научного гения, культ политиков и государственных деятелей — интриганов и завхозов — покажется ему просто смехотворным.

Культ талантов демократичен еще и потому, что он ищет искру гения всюду, а не только там, где светло, не только в просвещенных верхах, но и в темных низах.

И что действительно сближает народы — это их гении. Экономические связи, порождающие конкурентную грызню, ко взаимной нужде непременно примешивают и взаимное раздражение, а гении порождают чистую, бескорыстную любовь. Чем для нас дорога Англия — колониями, фабриками? Разумеется, Шекспиром, Ньютоном, Максвеллом, Диккенсом. Италия — это Данте, Микеланджело и Ферми, Франция — Мольер, Пуанкаре и Камю, Америка — Марк Твен, Эдисон и Хемингуэй. Именно эту Англию, Италию, Францию и Америку мы любим, а всякое политическое начальство к этой любви только примазывается.

Собственно, когда мы произносим слова «художественная культура» мы подразумеваем не такой уж и долгий ряд конкретных имен. Поэтому если под Декларацией прав культуры подразумевать Декларацию прав талантов, то я готов под нею подписаться. И даже выйти на митинг в ее защиту, если только когда-нибудь кому-нибудь из политиков каким-то чудом вздумается строить свою карьеру на защите талантов.

А между тем, из всех обиженных и обойденных мне более всего жаль таланты не пробившиеся и даже, возможно, не узнавшие, что они таланты.

Вот Декларация их-то прав миру всего более и нужна.

Вспомним, что все материальные достижения России ее «партнерами» либо отрицаются, либо осмеиваются, а единственной основой неоспариваемого авторитета России были и остаются ее гении — Толстой, Достоевский, Чехов, Мусоргский, Чайковский, Стравинский...

Теперь, правда, взялись и за них, но отменить их будет труднее всего. Поэтому важнейшая историческая задача России — продолжение этого списка. То есть поддержка талантов во всех отраслях человеческой деятельности.